

Налоговые доходы ресурсных регионов и оценка влияния горных компаний на экономическое развитие территорий

Ирина Григорьевна БУРЦЕВА*
Евгений Николаевич ТИМУШЕВ**

Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера КНЦ УрО РАН, Сыктывкар, Республика Коми, Россия

Аннотация

Актуальность. Одной из проблем сбалансированного и поступательного экономического развития государства и регионов является разработка рациональной стратегии освоения минеральных ресурсов, которая способна обеспечить экономические выгоды для страны и общества в целом. Цель налоговой и бюджетной политики заключается, с одной стороны, в получении максимальной прибыли от добычи сырья с сохранением экономической заинтересованности недропользователей, с другой – в обеспечении поступательного развития территорий при освоении месторождений полезных ископаемых в результате расширения местной налоговой базы и создания благоприятных условий для привлечения инвестиционных и трудовых ресурсов. **Цель исследования** – определение степени дифференциации добывающих регионов по уровню налоговых поступлений в региональные и федеральный бюджеты, по структуре различных видов налогов, оценке динамики платежей и степени влияния добывающих отраслей на доходы регионов в зависимости от вида добываемого сырья.

Методы исследования. При проведении исследования использовались методы экономического и статистического анализа, экономико-географического анализа, использовались монографический, абстрактно-логический, аналитический, системный подходы.

Результаты. Выполненное исследование показало существование двух разнонаправленных векторов в налоговых потоках сырьевого сектора (для полноты анализа в работе рассматривалась не только добыча, но и деятельность, связанная с первичным переделом, обогащением, производством нефтепродуктов, переработкой газа, транспортировкой сырья). С одной стороны, роль минерального сырья в экономике государства остается по-прежнему значительной, поскольку большинство федеральных налогов формируется в сфере освоения месторождений полезных ископаемых, кроме того, в подавляющем большинстве сырьевых регионов эта зависимость даже возросла, с учетом тренда на перераспределение налоговых поступлений в пользу федерального бюджета. С другой стороны, отмечается тенденция снижения доли налогов предприятий горнопромышленного комплекса в доходах регионов. Показана дифференциация регионов с позиции собираемых и распределяемых налогов, в которой выделяются регионы-центры нефтегазодобычи; регионы, ориентированные на добычу углеводородного сырья, с уровнем добычи до 10 % от общероссийского объема; регионы, специализирующиеся на добыче других видов минерального сырья (каменного угля, драгоценных металлов, железной руды и др.). Выявлено, что официальная статистика позволяет определить общие тенденции сбора и распределения налоговых поступлений, однако внутривладельческие распределения финансовых потоков и отчетности крупных добывающих компаний препятствуют реальной оценке вклада горных предприятий в территориальные бюджеты.

Выводы. Одним из инструментов укрепления социально-экономического положения добывающих регионов является повышение уровня прозрачности контрактов между компаниями и территориями. Международный опыт убедительно свидетельствует в пользу транспарентности отчетности, которая служит развитию доверия между обществом и бизнесом. В условиях отечественного бюджетного законодательства следует усилить роль социальных контрактов при согласовании лицензионных соглашений, создании благоприятных условий для освоения месторождений общераспространенных полезных ископаемых, более тщательном подходе к администрированию региональных налогов.

Ключевые слова: минерально-сырьевой потенциал, горнодобывающие регионы, горная промышленность, налоговые поступления, региональные бюджеты.

Введение

Разнообразие факторов развития регионов ведет к межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии всей страны. Проблемы неравномер-

ности пространственного развития были затронуты еще в классических работах Й. фон Тюнена, В. Лаунхардта и А. Вебера, посвященных поиску причин размещения и оп-

✉ burtseva@iespn.komisc.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-8941-6587>

** timushev@iespn.komisc.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>

тимальному расположению точек производства, пунктов снабжения и реализации продукции с учетом фактора цен.

В науке до сих пор не решена проблема однозначной систематизации факторов, влияющих на региональное развитие [1, 2]. Согласно классификации, предложенной О. В. Кузнецовой [3], подобную систему можно представить как состоящую из пяти групп, когда в основе лежат природные ресурсы и климатические условия, а на вершине – комплекс факторов, отражающих характер государственной политики. Между ними располагаются система расселения, демографическое состояние общества, состояние инфраструктуры, уровень развития и структура экономики. С. Земцов и Ю. Смелов [4] доказали, что к факторам регионального развития в России действительно относятся наличие природных ресурсов, климат, географическое положение, человеческий капитал, институциональные условия и уровень научно-технологического развития (факторы второй природы). Природные ресурсы и климат принято относить к факторам первой природы, а человеческий капитал и институты – к факторам второй природы (см. подробнее [5, 6]). Безусловно, весьма значимое влияние на региональное развитие оказывает агломерационный эффект, который стоит выделить отдельно [7]. Теоретические концепции неравенства в развитии агломераций систематизированы в [8].

Сохранение пространственной дифференциации в России обуславливает необходимость совершенствования механизмов государственной политики смягчения диспропорций. Несовершенства текущей версии Стратегии пространственного развития, принятой в 2019 г., обсуждаются в большом числе работ, например в [9, 10]. В числе недостатков – неполноценность нормативно-правовой базы, непрозрачность принятия документа, двойственность цели политики, невнимание к проблеме достаточности финансовых и административных полномочий органов власти на уровне регионов и муниципалитетов, недостаточное внимание к потенциалу межрегионального взаимодействия [11–14]. В силу многочисленности проблем на сегодняшний день становится актуальным пересмотр подходов к разработке новой стратегии пространственного развития – в направлении доработки системы документов стратегического планирования, включения в новую редакцию стратегии территорий всех масштабов (от малых форм муниципалитетов до макро-регионов), усиления внимания к городским агломерациям, учета проблем в межбюджетных отношениях и недостатка бюджетных ресурсов на уровне регионов на решение собственных задач развития [15].

В числе свежих работ на тему анализа степени межрегионального неравенства в России и его динамики выделим масштабное исследование специалистов из Института народнохозяйственного прогнозирования РАН [7]. Согласно полученным результатам, экономика страны и регионов постепенно адаптируется к новым условиям через изменение потребительского и сберегательного поведения и реализацию государственных антисанкционных мер. В 2023 г. экономика регионов удалось пройти шок адаптации. Об этом свидетельствуют показатели доходов, инвестиций и занятости. Наибольшие сложности испытывают субъекты с развитым в прошлом крупным

иностранным бизнесом и с зависимостью от изменчивой конъюнктуры мировых рынков. Напротив, более устойчивы регионы с диверсифицированной экономикой, нацеленной на внутренний рынок и с налаженной сетью взаимосвязи с дружественными странами. Риски для дальнейшего регионального развития в России состоят в усилении ресурсных (бюджетных) ограничений и замещении необходимости решения внутрирегиональных задач общегосударственной повесткой.

В литературе накопилось большое число исследований на тему межрегиональной дифференциации в России. В целом специалистами отмечается низкий уровень сближения регионов по различным показателям социально-экономического развития [16–19]. В то же время выводы исследований критически зависят от выбранного аспекта регионального развития. Наиболее часто встречается анализ с использованием показателя ВРП на душу населения [16, 17, 20]. Также рассматриваются изменения в структуре численности населения, уровень реальных доходов населения, объем потребительских расходов, объем инвестиций в основной капитал [7], источники инвестиций [21], уровень развития инфраструктуры [14] и стоимость основных фондов [19].

Освоение минерально-сырьевого потенциала вносит существенный вклад в высокий уровень дифференциации социально-экономического развития регионов. В то же время оно является одним из мощных факторов развития отдельных территорий и страны в целом. Наличие того или иного вида минерального сырья в регионе в значительной степени определяет его конкурентоспособность по привлечению инвестиций и рабочей силы.

Результаты и обсуждение

В задачи исследования входило определение уровня дифференциации добывающих регионов, исходя из налогов, поступающих в региональные и федеральный бюджеты, оценка динамики различных видов налогов и степени влияния добывающих отраслей на доходы регионов с учетом вида полезного ископаемого с 2006 по 2023 г. Для решения поставленных задач были выделены основные горнодобывающие регионы с высокой долей добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости (табл. 1). Помимо этого, учитывались крупные минерально-сырьевые объекты, находящиеся на территории регионов. По этому принципу в выборку попали Мурманская область, Республика Хакасия и Амурская область с относительно невысоким показателем доли добычи в валовой добавленной стоимости, но обладающие уникальными месторождениями апатит-нефелиновых руд, железорудного сырья (Мурманская область), каменного угля (Республика Хакасия), драгоценных металлов (Амурская область).

В большинстве выделенных регионов основное место в структуре добычи занимает добыча углеводородного сырья – 15 регионов из 25, включая Якутию и Красноярский край (лидер по добыче золота) – регионы, традиционно считающиеся центрами алмазной и золотодобывающей промышленности. Это также свидетельствует о доминирующей роли углеводородного сырья в минерально-сырьевом потенциале регионов – даже средние показатели обеспеченности нефтегазовыми

Таблица 1. Доля добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости в 2021 г. и структура добычи по видам полезных ископаемых в 2022 г., %*

Table 1. Share of mineral extraction in gross value added in 2021 and structure of extraction by type of minerals in 2022, %*

Регион	Доля добычи полезных ископаемых в валовой добавленной стоимости, %	Доля добычи по видам полезных ископаемых в структуре промышленного производства, %			
		Добыча угля	Добыча нефти и природного газа	Добыча металлических руд	Добыча прочих полезных ископаемых
Белгородская область	31,6	1,0	–	98,3	1,6
Курская область	20,0	–	–	99,6	1,0
Республика Карелия	30,7	...	–	75,9	23,8
Республика Коми	48,0	8,3	82,6	0,0	0,2
Ненецкий АО	86,0	–	96,9	–	0,0
Мурманская область	12,0	–	–	44,5	53,6
Астраханская область	49,1	–	94,3	–	1,0
Республика Татарстан	29,6	–	86,8	–	0,4
Удмуртская Республика	29,6	–	89,9	–	0,2
Пермский край	26,5	–	92,4	0,3	2,5
Оренбургская область	44,5	...**	86,7	5,8	...
Самарская область	20,6	–	90,0	–	1,1
Ханты-Мансийский АО – Югра	75,0	–	84,1	0,0	0,1
Ямало-Ненецкий АО	73,9	–	90,2
Республика Хакасия	14,3	89,2	–	9,7	1,1
Красноярский край	22,7	3,4	78,8	11,0	1,6
Иркутская область	31,2	2,3	73,8	11,7	1,0
Кемеровская область	39,7	98,8	–	0,3	0,6
Томская область	26,8	–	90,2	0,1	0,7
Республика Саха (Якутия)	59,0	18,8	46,3	10,4	14,6
Забайкальский край	30,1	29,4	–	68,3	0,4
Амурская область	14,5	7,1	–	81,9	4,8
Магаданская область	55,0	2,4	–	84,1	4,3
Сахалинская область	60,0	8,2	88,1	0,2	0,4
Чукотский АО	41,6	38,2	...	55,2	...
Россия в целом	14,4	10,3	71,0	6,3	3,0

*Составлено на основе статистических сборников: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 1126 с.; Промышленное производство в России. 2023: стат. сб. М.: Росстат, 2023. 259 с.

**Данные не публикуются в целях обеспечения конфиденциальности первичных статистических данных, полученных от организаций, в соответствии с Федеральным законом от 29 ноября 2007 г. № 282-ФЗ «Об официальном статистическом учете и системе государственной статистики в Российской Федерации» (п. 5, ст. 4; ч. 1, ст. 9).

ресурсами (в случае Красноярского края – это 3 % от общероссийского показателя по добыче нефти и 1,6 % по добыче газа) существенно влияют на структуру добавленной стоимости, наличие других видов полезных ископаемых, даже драгоценных и цветных металлов, не является определяющим фактором для структуры добычи. Два региона (Кемеровская область и Хакасия) относятся к угледобывающим, Белгородская и Курская области, Республика Карелия специализируются на добыче железных руд. Мурманская область – это центр добычи апатит-нефелиновых руд, Забайкальский край, Амурская область – добычи золота и урана, Магаданская область и Чукотский АО – добычи драгоценных металлов.

Доля добычи полезных ископаемых в валовой региональной добавленной стоимости в целом по России в 2021 г. выросла после некоторого снижения в 2010–2020 гг., а в большинстве добывающих регионов значительно увеличилась как по отношению к предыдущему году, так и к 2005 г. Наибольший рост произошел в Астраханской и Иркутской областях, Красноярском и Забайкальском

краях, Хакасии, Сахалине и Чукотском АО (табл. 2). Один из главных факторов такой динамики – рост добычи углеводородного сырья, за исключением Чукотского АО. В связи с этими данными говорить о снижении ресурсного фактора в экономике страны, на наш взгляд, несколько преждевременно.

В горнодобывающих регионах в сфере добывающей промышленности по-прежнему формируется основной объем налогов, который в целом по стране также имеет тенденцию к росту – с 30 % в общем объеме поступлений в бюджетную систему Российской Федерации в 2010 г. почти до 40 % в 2023 г. (табл. 3).

Наиболее высок удельный вес налоговых поступлений горнодобывающих предприятий в общем объеме сгенерированных в регионе платежей в нефтегазодобывающих регионах, таких как Ханты-Мансийский, Ямало-Ненецкий, Ненецкий автономные округа, Республика Коми, Оренбургская, Астраханская, Томская, Сахалинская области. Из нефтедобывающих регионов выделяется Татарстан с пониженной долей рассматриваемых плате-

Таблица 2. Динамика доли добычи полезных ископаемых в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости, %
Table 2. Dynamics of the share of mineral extraction in the sectoral structure of gross added value, %

Регион	Год				
	2005	2010	2015	2020	2021
Россия в целом	12,8	10,4	11,2	10,5	14,4
Белгородская область	21,8	16,8	10,5	20,3	31,6
Курская область	18,0	12,1	8,6	12,1	20,0
Республика Карелия	19,3	12,8	8,3	16,8	30,7
Республика Коми	34,3	33,5	36,4	32,8	48,0
Ненецкий АО	74,3	78,6	67,5	77,2	86,0
Мурманская область	10,8	15,2	14,7	8,7	12,0
Астраханская область	2,7	3,5	25,1	37,7	49,1
Республика Татарстан	30,9	21,6	21,6	21,1	29,6
Удмуртская Республика	26,7	23,4	25,3	20,9	29,6
Пермский край	15,7	13,5	16,4	17,1	26,5
Оренбургская область	37,0	35,9	36,9	35,5	44,5
Самарская область	10,8	11,9	16,2	13,4	20,6
Ханты-Мансийский АО – Югра	74,9	63,0	67,8	61,5	75,0
Ямало-Ненецкий АО	61,4	47,9	54,9	66,5	73,9
Республика Хакасия	7,3	15,4	12,9	14,4	14,3
Красноярский край	3,9	18,1	17,5	16,2	22,7
Иркутская область	3,8	7,5	24,3	25,4	31,2
Кемеровская область	27,1	31,4	25,6	19,0	39,7
Томская область	35,4	23,9	29,5	17,8	26,8
Республика Саха (Якутия)	39,5	40,1	48,2	49,1	59,0
Забайкальский край	7,6	12,8	11,1	25,9	30,1
Амурская область	5,3	10,2	16,5	15,2	14,5
Магаданская область	27,1	20,6	28,9	56,2	55,0
Сахалинская область	22,1	59,3	59,1	55,5	60,0
Чукотский АО	7,5	38,2	46,5	45,5	41,6

Таблица 3. Доля налогов, сформированных горными предприятиями, в общем объеме поступивших налогов в бюджетную систему Российской Федерации
Table 3. The share of taxes generated by mining enterprises in the total volume of taxes received by the budget system of the Russian Federation

Регион	Год				
	2006	2010	2015	2020	2023
Россия в целом	34,9	29,3	35,1	32,1	39,1
Белгородская область	38,0	32,7	11,9	31,2	44,5
Курская область	20,7	18,5	20,4	29,0	29,0
Республика Карелия	21,0	26,1	9,6	28,8	36,2
Республика Коми	68,2	60,9	58,6	62,4	82,4
Ненецкий АО	74,3	83,2	79,1	92,7	93,1
Мурманская область	32,7	25,7	32,0	–	20,9
Астраханская область	42,4	41,6	56,2	76,5	83,2
Республика Татарстан	59,3	56,5	53,5	59,3	57,8
Удмуртская Республика	54,2	54,0	57,1	58,2	70,9
Пермский край	47,7	45,1	52,2	59,0	69,1
Оренбургская область	73,5	71,5	80,8	80,4	87,6
Самарская область	42,6	46,8	52,6	56,5	63,6
Ханты-Мансийский АО – Югра	88,7	86,3	92,3	92,9	94,2
Ямало-Ненецкий АО	83,6	76,6	84,9	85,2	85,8
Республика Хакасия	–7,2	–24,3	6,9	13,3	27,6
Красноярский край	52,8	38,3	61,8	59,7	64,1
Иркутская область	17,1	–5,7	54,6	61,5	64,4
Кемеровская область	34,8	32,0	25,5	13,4	35,7
Томская область	66,8	57,6	70,3	58,0	71,7
Республика Саха (Якутия)	50,4	53,7	73,5	70,3	66,7
Забайкальский край	4,2	8,9	13,4	24,4	40,3
Амурская область	10,1	13,6	29,4	26,4	20,7
Магаданская область	38,3	41,6	61,5	62,2	57,7
Сахалинская область	7,2	48,1	78,4	15,5	77,9
Чукотский АО	50,9	64,9	75,7	69,1	60,9

жей, что может быть отражением диверсифицированной структуры региональной экономики. Заметно ниже доля налогов в угледобывающих регионах (особенно в Хакасии), а также в регионах, специализирующихся на добыче железной руды. Помимо экономических факторов (прибыли, рентабельности, региональной структуры хозяйства и т. д.) это связано в первую очередь с ценой на добываемое сырье и ставками налога на добычу полезных ископаемых, который, как будет показано далее, является одним из центральных налогов в бюджетной системе страны. Высокая доля налогов горных предприятий Красноярского края и Якутии также объясняется ростом нефтегазовых доходов. В Красноярском крае до 2011 г. основные налоговые поступления обеспечивали металлургические предприятия, с 2012 г. их потеснили нефтедобывающие компании, доля которых в региональных налоговых поступлениях в 2023 г. составляла 42 %, в Якутии в 2023 г. налоги от нефтедобычи в три раза превышали налоги от добычи алмазов и других полезных ископаемых, а в 2021 г. – в пять раз.

Значительная доля налоговых поступлений от горной промышленности формируется в регионах золотодобычи и другого стратегического сырья (за исключением Амурской области), что можно объяснить моноструктурой региональной экономики. В Амурской области доля горной промышленности в отраслевой структуре добавленной стоимости составляет около 10–15 % наравне со строительством, торговлей и транспортировкой, несмотря на достаточно высокий уровень золотодобычи.

Особо хотелось бы отметить Мурманскую область, по которой данные налоговой статистики не отражают поступления, связанные с разработкой апатит-нефелиновых руд, – налоги фиксируются по добыче руд черных и цветных металлов и местного сырья. Одной из причин этого может являться фактор внутрихолдингового перераспределения налогов и платежей. Неслучайно в числе

крупнейших плательщиков налога на добычу полезных ископаемых, по данным 2023 г., находятся города Москва и Санкт-Петербург, уступая только Ханты-Мансийскому и Ямало-Ненецкому автономным округам.

На рис. 1, 2 представлена структура налоговых поступлений в бюджетную систему Российской Федерации в 2006 и 2023 гг.

Половина налогов, формируемых в бюджетной системе Российской Федерации, – это налоги, не связанные с финансовыми результатами, – налог на добавленную стоимость (НДС) и налог на добычу полезных ископаемых. Фактически это налоги с оборота, и в эту группу можно включить также акцизы. Наибольший удельный вес в структуре собираемых налоговых доходов занимает налог на добычу полезных ископаемых (НДПИ) – 28,1 %, доля которого увеличилась на треть с 2006 г., что еще раз подчеркивает значимость минеральных ресурсов для экономики страны. Более 85 % доходов от НДПИ приходится на добычу углеводородного сырья – нефти, попутного нефтяного и природного газа, газового конденсата; налоговые поступления от добычи угля, металлических руд и драгоценных металлов составляют около 3 %. Безусловно, налог на добычу привязан к специализации регионов, при этом стоит отметить, что в Красноярском крае на налог на добычу углеводородов приходится около 60 % всего объема НДПИ, а в Республике Саха (Якутия) – свыше 40 %.

В табл. 4 представлена динамика доли доходов по налогу на добычу полезных ископаемых, остающаяся на территории добывающих регионов.

Доля налога на добычу полезных ископаемых в нефтедобывающих регионах не превышает одного процента, что объясняется 100-процентным зачислением налога на добычу нефти и природного газа в федеральный бюджет. Для сравнения: в 2006 г. 5 % налога на добычу нефти оставалось на добывающих территориях, что и демонстрируют более высокие показатели этого периода.

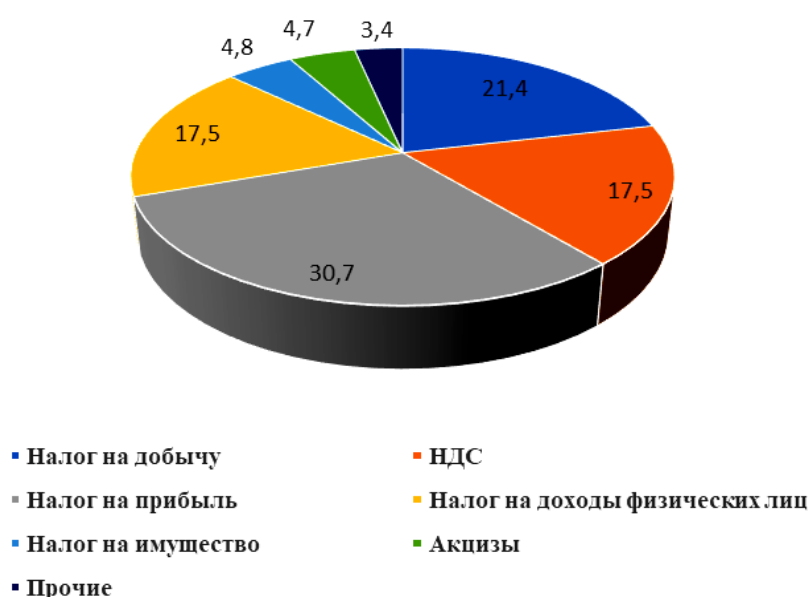
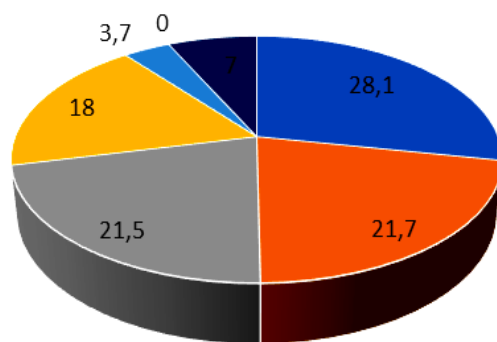

Рисунок 1. Структура налоговых поступлений в Российской Федерации в 2006 г.

Figure 1. Structure of tax revenues in the Russian Federation in 2006

- Налог на добычу
- НДС
- Налог на прибыль
- Налог на доходы физических лиц
- Налог на имущество
- Акцизы
- Прочие

Рисунок 2. Структура налоговых поступлений в Российской Федерации в 2023 г.
Figure 2. Structure of tax revenues in the Russian Federation in 2023

Таблица 4. Динамика доли поступлений по налогу на добычу полезных ископаемых, зачисляемых в доходы региональных бюджетов, %

Table 4. Dynamics of the share of revenues from mineral extraction tax credited to regional budget revenues, %

Регион	Год				
	2006	2010	2015	2020	2023
Белгородская область	0,9	0,7	1,1	1,1	2,9
Курская область	0,8	0,6	0,9	0,6	2,1
Республика Карелия	1,6	1,0	1,7	1,1	3,1
Республика Коми	6,6	1,1	0,6	0,3	0,6
Ненецкий АО	11,5	0,0	0,1	0,1	0,0
Мурманская область	2,4	2,0	2,5	2,0	2,8
Астраханская область	0,4	0,0	0,1	0,0	0,0
Республика Татарстан	4,8	0,0	0,0	0,0	0,0
Удмуртская Республика	5,7	0,0	0,0	0,0	0,0
Пермский край	3,1	0,4	0,3	0,3	0,6
Оренбургская область	8,2	0,7	0,9	0,8	1,0
Самарская область	2,4	0,0	0,1	0,0	0,1
Ханты-Мансийский АО – Югра	0,3	0,3	0,7	0,3	0,3
Ямало-Ненецкий АО	0,5	0,4	0,5	0,5	0,3
Республика Хакасия	3,5	2,6	2,2	2,5	5,4
Забайкальский край	0,7	1,0	1,6	1,8	2,4
Красноярский край	2,5	3,0	4,6	6,2	6,4
Иркутская область	1,2	1,2	2,0	1,4	1,9
Кемеровская область	5,0	5,0	3,7	2,9	6,7
Томская область	5,8	0,1	0,0	0,0	0,0
Республика Саха (Якутия)	7,7	7,4	14,5	6,1	14,0
Амурская область	1,4	2,4	4,9	3,1	4,3
Магаданская область	6,5	6,0	12,7	9,2	11,3
Сахалинская область	1,6	0,2	0,1	0,3	0,3
Чукотский АО	0,0	10,1	11,1	6,7	6,3

Налог на добычу алмазов полностью остается в регионе, что выделяет Республику Саха (Якутию) среди других регионов. В отношении большинства остальных полезных ископаемых (за исключением общераспространенных) действует пропорция 40 % на 60 % при распределении между федеральным и региональным бюджетами, отсюда

и более высокий удельный вес НДС в золотодобывающих и угледобывающих регионах. На этом фоне положение регионов с диверсифицированной добычей (Красноярский край, Амурская область) выгодно отличается от регионов с моноспециализацией горной промышленности. Кроме того, нельзя не заметить тренд на увеличение

Таблица 5. Динамика доли доходов в региональном бюджете, связанных с горнодобывающей деятельностью, %
Table 5. Dynamics of the share of revenues in the regional budget related to mining activities, %

Регион	Год				
	2006	2010	2015	2020	2023
Белгородская область	37,1	21,0	11,3	20,5	26,5
Курская область	19,0	10,4	12,2	15,2	10,5
Республика Карелия	13,7	11,9	5,9	5,2	10,4
Республика Коми	39,9	31,4	17,3	17,2	22,8
Ненецкий АО	88,0	119,2	40,2	61,8	75,3
Мурманская область	32,5	25,3	30,5	13,1	42,7
Астраханская область	16,8	13,0	8,6	33,7	68,5
Республика Татарстан	29,0	16,9	21,8	17,1	24,3
Удмуртская Республика	26,3	17,2	16,8	12,6	18,1
Пермский край	28,8	18,1	15,6	12,6	16,6
Оренбургская область	46,5	29,7	37,8	24,7	34,1
Самарская область	26,7	12,4	11,5	10,9	12,3
Ханты-Мансийский АО – Югра	110,0	81,1	86,4	86,6	98,1
Ямало-Ненецкий АО	83,0	61,1	45,2	58,1	68,8
Республика Хакасия	23,1	14,7	12,3	10,1	20,4
Забайкальский край	3,8	3,4	5,4	9,3	19,3
Красноярский край	67,8	50,5	42,4	31,4	41,5
Иркутская область	16,1	12,0	27,4	23,9	30,3
Кемеровская область	41,6	27,1	28,2	22,6	40,6
Томская область	40,0	18,2	26,2	8,7	14,3
Республика Саха (Якутия)	29,1	26,3	41,3	31,0	46,8
Амурская область	4,9	6,8	19,9	15,7	14,2
Магаданская область	17,5	16,5	37,7	36,0	35,3
Сахалинская область	21,4	86,4	102,1	27,2	112,7
Чукотский АО	28,7	40,9	40,1	30,1	25,5

доли НДПИ в пользу федерального бюджета. Так, с 2022 г. пересмотрены нормы распределения НДПИ по железным рудам, апатит-магнетитовым, апатит-штаффелитовым и маложелезистым апатитовым рудам, многокомпонентной комплексной руде – в пользу федерального центра направляется 83 % НДПИ, по коксующемуся углю – 70 %. На этом фоне целесообразно рассмотреть уровень доходов региональных бюджетов, связанных с горными предприятиями.

В табл. 5 показана динамика доли налогов, сформированных в отраслях, связанных с освоением минерально-сырьевых ресурсов, поступивших в региональные бюджеты.

В целом заметна тенденция к снижению доли предприятий горнопромышленного комплекса в доходах регионов (в исследовании рассматривалась не только добыча, но и деятельность, связанная с первичным переделом, обогащением, производством нефтепродуктов, переработкой газа, транспортом сырья). Это особенно показательно в Республике Коми, где на горную промышленность и сопутствующие ей производства приходится только 20 % региональных налоговых поступлений, Татарстане (24 %), Пермском крае (16,6 %). Очевидно, что в центрах нефтегазодобычи горная промышленность является главным источником региональных бюджетов, это относится и к Кемеровской области. В то же время в золотодобывающих центрах – Магаданской области и Чукотском АО – доля налогов, поступающих от горных предприятий, составляет около 30 %, несмотря на то что горнодобывающая деятельность является основой экономики этих территорий.

В связи с этим интересно сравнить долю налога на имущество организаций в горнодобывающей промышленности и торговле в 2010 и 2023 гг. (табл. 6).

Сопоставляя данные 2010 и 2023 гг., можно заметить изменение соотношений удельного веса имущественных налогов между горными и торговыми предприятиями в пользу последних. В 2023 г. в шести регионах, включая Республику Коми, Ямало-Ненецкий АО и Сахалин, налог на имущество, уплаченный торговыми предприятиями, заметно превышал налог на имущество добывающих предприятий. В Республике Коми это соотношение составило 1 : 3, а в Мурманской области наиболее крупными плательщиками данного налога (24 %) были предприятия, связанные с обработкой древесины и производством изделий из дерева и пробки. Это наводит на мысль о перераспределении налогов внутри крупных компаний и холдингов, несмотря на обязательное требование уплаты имущественного налога по месту его нахождения.

Выводы

Освоение минерально-сырьевых ресурсов по-прежнему играет значительную роль в экономике государства, большинство федеральных налогов формируется именно в отраслях, связанных с добычей, переработкой и транспортировкой минерального сырья, преимущественно углеводородного. В подавляющем большинстве сырьевых регионов за последние 19 лет возросла доля добычи полезных ископаемых в валовой региональной добавленной стоимости, и во многих довольно значительно. Например, в Астраханской области – в 18 раз, в Иркутской области –

Таблица 6. Соотношение имущественного налога в горнодобывающих отраслях и торговле в 2010 и 2023 гг.
Table 6. Ratio of property tax in mining and trade in 2010 and 2023

Регион	Год			
	2010		2023	
	Горные предприятия	Предприятия торговли	Горные предприятия	Предприятия торговли
Россия в целом	14,9	6,3	14,5	16,5
Белгородская область	10,8	4,9	13,9	6,3
Курская область	3,3	9,5	6,4	11,3
Республика Карелия	11,8	5,0	4,1	2,9
Республика Коми	44,9	3,3	20,6	61,9
Ненецкий АО	77,4	0,0	86,4	0,1
Мурманская область	21,3	4,1	9,6	-20,7
Астраханская область	20,7	5,0	44,8	26,4
Республика Татарстан	21,1	7,6	15,5	4,9
Удмуртская Республика	13,9	9,5	13,2	16,9
Пермский край	8,6	5,9	13,1	23,0
Оренбургская область	49,2	4,3	44,1	17,0
Самарская область	5,6	5,8	12,7	5,7
Ханты-Мансийский АО – Югра	70,5	0,9	70,4	11,8
Ямало-Ненецкий АО	77,9	0,4	32,1	54,7
Республика Хакасия	4,5	1,3	7,0	1,3
Забайкальский край	11,9	2,6	18,0	0,8
Красноярский край	10,5	4,1	33,0	2,1
Иркутская область	10,6	4,0	23,0	3,2
Кемеровская область	31,5	5,4	29,6	4,2
Томская область	42,2	3,1	36,8	9,7
Республика Саха (Якутия)	66,0	3,9	61,9	-13,7
Амурская область	6,1	5,4	7,8	-11,1
Магаданская область	26,4	1,7	32,7	1,0
Сахалинская область	13,7	5,4	3,8	30,1
Чукотский АО	32,9	1,9	14,4	2,8

в 8, Красноярском крае – 5,8, Забайкальском крае – в 4 раза. Один из главных факторов – рост стоимости добытого углеводородного сырья, который повлиял на изменение структуры валовой добавленной стоимости регионов, традиционно считающихся центрами алмазной и золотодобывающей промышленности, – Якутии и Красноярского края. В горнодобывающих регионах по-прежнему формируется основной объем налогов с тенденцией к росту – в 2023 г. на отрасли, связанные с освоением минерально-сырьевых ресурсов, приходилось 39 % всех налоговых поступлений в стране.

В структуре собираемых налогов около 30 % приходится на налог на добычу, доля которого увеличилась на треть за последние десятилетия, что усилило влияние горной промышленности на формирование бюджетных доходов. На региональные бюджеты налог на добычу полезных ископаемых не оказывает сколько-нибудь серьезного влияния, поскольку налог на углеводородное сырье является источником федерального бюджета, а налогообложение добычи других видов сырья не столь ощутимо, особенно с учетом тренда на увеличение доли НДС в пользу центра.

Если говорить о дифференциации добывающих регионов с позиции собираемых налогов и их распределения между центром и регионами, то можно выделить следующие группы – регионы-центры нефтегазодобычи; регионы, ориентированные на добычу углеводородного

сырья, с уровнем добычи до 10 % от общероссийского объема; регионы, специализирующиеся на добыче других видов минерального сырья (каменного угля, драгоценных металлов, железной руды и др.). В первой группе горные предприятия являются основными источниками доходов как федерального, так и региональных бюджетов. Добывающие предприятия в регионах с относительно невысокими показателями добычи также формируют большую часть налоговых доходов, но на региональном уровне их роль заметно ниже. В регионах с добычей твердых полезных ископаемых доля платежей горных предприятий в общем объеме налогов снижена еще сильнее (за исключением Магаданской области и Чукотского АО), а в составе региональных бюджетов она несколько выше, чем в предыдущей группе, что лишний раз свидетельствует в пользу диверсификации добычи полезных ископаемых с позиции развития территорий.

Официальная статистика позволяет увидеть общие тенденции сбора и распределения налоговых поступлений, однако внутрихолдинговые распределения финансовых потоков и отчетности крупных добывающих компаний не позволяют оценить реальный вклад горных предприятий в бюджеты регионов. Примером этому может служить Мурманская область, где данные налоговой статистики не отражают поступления, связанные с разработкой апатит-нефелиновых руд, а также уплата налога на добычу полезных ископаемых в 2023 г. (4-е место по Рос-

сии) в г. Санкт-Петербурге по направлению «Торговля». Возможно, это также является причиной того, что в ряде добывающих регионов, включая Республику Коми, Ямало-Ненецкий АО и Сахалин, налог на имущество, уплаченный торговыми предприятиями, заметно превышал налог на имущество добывающих предприятий.

Для укрепления бюджетной системы добывающих регионов необходимо повысить уровень прозрачности контрактов между компаниями и территориями, поскольку транспарентность отчетности выступает ключевым элементом, способствующим развитию доверия между обществом и бизнесом. Международное законодательство

тщательно отслеживает механизмы налогообложения горнодобывающих компаний каждой стадии разработки месторождения [22–24], и этот опыт может быть использован для повышения заинтересованности территорий в привлечении инвесторов-недропользователей. В связи со сложившейся в России системой распределения бюджетных доходов в сфере недропользования необходимо уделять больше внимания развитию инфраструктурных и социальных объектов при согласовании лицензионных соглашений, созданию благоприятных условий для освоения месторождений местного сырья, повышению качества администрирования региональных налогов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Климанов В. В. Об основах и инструментах региональной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2011. № 10(10). С. 161–163.
2. Трейвиш А. И. Неравномерность и структурное разнообразие пространственного развития экономики как научная проблема и российская реальность // Пространственная экономика. 2019. Т. 15. № 4. С. 13–35. <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
3. Кузнецова О. В. Типология факторов социально-экономического развития регионов России // Вестник Московского университета. Сер. 5. География. 2014. № 2. С. 3–8.
4. Земцов С. П., Смельов Ю. А. Факторы регионального развития в России: география, человеческий капитал или политика регионов // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 4 (40). С. 84–108.
5. Krugman P. R. First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location // Journal of Regional Science. 1993. Vol. 33. No. 2. P. 129–144. <https://doi.org/10.3386/w3740>
6. Зубаревич Н. В. Региональное развитие и региональная политика за десятилетие экономического роста // Журнал Новой экономической ассоциации. 2009. No. 1–2. С. 161–174.
7. Россия 2035: к новому качеству национальной экономики: научный доклад / под ред. чл.-корр. РАН А. А. Широва. М.: Артк Принт, 2024. 264 с. <https://doi.org/10.47711/sr1-2024>
8. Медведникова Д. М. Ключевые теоретические подходы к объяснению социально-экономического неравенства городов в зарубежных исследованиях // Региональные исследования. 2022. № 2 (76). С. 25–39. <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-3>
9. Кузнецова О. В. Проблемы выбора приоритетов пространственного развития // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 146–157. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-146-157>
10. Зубаревич Н. В. Стратегия пространственного развития: приоритеты и инструменты // Вопросы экономики. 2019. № 1. С. 135–145. <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
11. Зубаревич Н. В. Межбюджетные отношения центра и регионов: экономические и институциональные аспекты // Журнал Новой экономической ассоциации. 2014. № 3 (23). С. 158–161. <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22296583>
12. Гильмундинов В. М., Панкова Ю. В. Пространственное развитие России в условиях внешних и внутренних вызовов // Проблемы прогнозирования. 2023. № 4(199). С. 82–93. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93>
13. Яковлев А. А., Фрейнкман Л. М., Иванов Д. С. Новые возможности и инструменты региональной структурной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2018. № 3 (39). С. 162–169. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-39-3-10>
14. Кувалин Д. Б. Пространственное развитие России в новых геополитических условиях // Экономика Северо-Запада: проблемы и перспективы развития. 2023. № 1 (72). С. 87–94. <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-1-87-94>
15. Кузнецова О. В., Дружинин А. Г. К новой стратегии пространственного развития России // Проблемы прогнозирования. 2024. № 4 (205). С. 36–45. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45>
16. Буфетова А. Н. Тенденции концентрации экономической активности и неравномерность пространственного развития России // Регион: экономика и социология. 2016. № 2 (90). С. 23–41. <https://doi.org/10.15372/REG20160202>
17. Dynnikova O. V., Kyobe A., Slavov S. Regional disparities and fiscal federalism in Russia // Journal of the New Economic Association. 2022. No. 3 (55). P. 102–138. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-6>
18. Малкина М. Ю. Оценка факторов конвергенции/дивергенции российских регионов по уровню бюджетной обеспеченности на основе декомпозиции индексов Тейла–Бернулли // Пространственная экономика. 2016. № 3. С. 16–37. <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.016-037>
19. Шаталова О. М., Касаткина Е. В. Социально-экономическое неравенство регионов РФ: вопросы измерения и долгосрочная ретроспективная оценка // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. № 15(4). С. 74–87. <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5>
20. Болотов Р. О. Методология и реализация факторного анализа дифференциации субъектов Российской Федерации по уровню социально-экономического развития // Федерализм. 2022. Т. 27. № 4 (108). С. 187–202. <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-4-187-202>
21. Ратьковская Т. Г. Пространственные характеристики регионов в процессах межбюджетного выравнивания // ЭКО. 2020. Т. 50. № 1 (547). С. 166–182. <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-1-166-182>
22. International Monetary Fund, Fiscal Regimes for Extractive Industries: Design and Implementation. 2012. URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/081512.pdf>
23. Extractive Industries Taxation: CRP.3 – ATTACHMENT E Fiscal Take. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2016/10/12STM_CRP3_AttachmentE_FiscalTake.pdf
24. United Nations Handbook on Selected Issues for Taxation of the Extractive Industries by Developing Countries. N. Y.: United Nations, 2017. 477 p.

Статья поступила в редакцию 28 ноября 2024 года

Tax revenues of resource regions and assessment of the impact of mining companies on the economic development of territories

Irina Grigor'evna BURTSEVA*
Evgeniy Nikolaevich TIMUSHEV**

Institute of Socio-Economic and Energy Problems of the North, Komi Scientific Center of the Ural Branch of RAS, Syktyvkar, Komi Republic, Russia

Abstract

Relevance. One of the problems of balanced and progressive economic development of the state and regions is the development of a rational strategy for the development of mineral resources, which can provide economic benefits for the country and society as a whole. The goal of tax and budget policy is, on the one hand, to obtain maximum profit from the extraction of raw materials while maintaining the economic interest of subsoil users, and on the other hand, to ensure the progressive growth of territories during the development of mineral deposits as a result of expanding the local tax base and creating favorable conditions for attracting investment and labor resources.

The purpose of the study is to determine the degree of differentiation of extractive regions by the level of tax revenues to regional and federal budgets, by the structure of various types of taxes, assess the dynamics of payments and the degree of influence of extractive industries on regional incomes depending on the type of raw materials extracted.

Research methods. The study used methods of economic and statistical analysis, economic and geographical analysis, monographic, abstract-logical, analytical, and systemic approaches.

Results. The conducted research has shown the existence of two opposite vectors in tax flows of the raw materials sector (for the sake of completeness of the analysis, the work considered not only extraction, but also activities related to primary processing, beneficiation, production of petroleum products, gas processing, transportation of raw materials). On the one hand, the role of mineral raw materials in the national economy remains significant, since the majority of federal taxes are formed in the sphere of development of mineral deposits, moreover, in the overwhelming majority of raw materials regions this dependence has even increased, taking into account the trend of redistribution of tax revenues in favor of the federal budget. On the other hand, there is a tendency to decrease the share of taxes of enterprises of the mining complex in the incomes of regions. The differentiation of regions from the position of collected and distributed taxes is shown, in which regions-centers of oil and gas production are distinguished; regions focused on the extraction of hydrocarbon raw materials, with the level of extraction up to 10% of the all-Russian volume; regions specializing in the extraction of other types of mineral raw materials (coal, precious metals, iron ore, etc.). It was found that official statistics make it possible to determine general trends in the collection and distribution of tax revenues, but intra-holding distributions of financial flows and reporting of large mining companies hinder a real assessment of the contribution of mining enterprises to territorial budgets.

Conclusions. One of the tools for strengthening the socio-economic position of mining regions is to increase the level of transparency of contracts between companies and territories. International experience convincingly testifies in favor of transparency of reporting, which serves to develop trust between society and business. In the context of domestic budget legislation, the role of social contracts should be strengthened in coordinating license agreements, creating favorable conditions for the development of deposits of common minerals, and a more thorough approach to the administration of regional taxes.

Keywords: mineral resource potential, mining regions, mining industry, tax revenues, regional budgets.

REFERENCES

1. Klimanov V. V. 2011, On the Foundations and Instruments of Regional Policy. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 10 (10), pp. 161–163. (In Russ.)
2. Treyvish A. I. 2019, Uneven and Structurally Diverse Spatial Development of Economy as a Scientific Problem and Russian Reality. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], vol. 15, no. 4, pp. 13–35. (In Russ.) <https://doi.org/10.14530/se.2019.4.013-035>
3. Kuznetsova O. V. 2014, Typology of Factors of Socio-Economic Development of Regions of Russia. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 5. Geografiya* [Moscow University Bulletin. Series 5. Geography], no. 2, pp. 3–8. (In Russ.)
4. Zemtsov S. P., Smelov Yu. A. 2018, Factors of Regional Development in Russia: Geography, Human Capital or Regional Policy. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 4 (40), pp. 84–108. (In Russ.)

✉ burtseva@iespn.komisc.ru

 <https://orcid.org/0000-0001-8941-6587>

** timushev@iespn.komisc.ru

 <https://orcid.org/0000-0002-5220-3841>

5. Krugman P. R. 1993, First Nature, Second Nature, and Metropolitan Location. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Studies], vol. 33, no. 2, pp. 129–144. <https://doi.org/10.3386/w3740>
6. Zubarevich N. V. 2009, Regional Development and Regional Policy Over a Decade of Economic Growth. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 1–2, pp. 161–174. (In Russ.)
7. Shirov A. A. 2024, Russia 2035: Towards a New Quality of National Economy: Scientific Report. Moscow, 264 p. (In Russ.) <https://doi.org/10.47711/sr1-2024>
8. Medvednikova D. M. 2022, Key Theoretical Approaches for Explaining the Socio-Economic Inequality of Cities in Foreign Studies. *Regional'nyye issledovaniya* [Regional Research], no. 2 (76), pp. 25–39. (In Russ.) <https://doi.org/10.5922/1994-5280-2022-2-3>
9. Kuznetsova O. V. 2019, Trade-Offs of Spatial Development Priorities Choice. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], no. 1, pp. 146–157. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-146-157>
10. Zubarevich N. V. Spatial Development Strategy: Priorities and Instruments. *Voprosy ekonomiki* [Economic Issues], no. 1, pp. 135–145. (In Russ.) <https://doi.org/10.32609/0042-8736-2019-1-135-145>
11. Zubarevich N. V. 2014, Center and Regions Inter-Budgetary Relations: Economic and Institutional Aspects. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 3 (23), pp. 158–161. (In Russ.) <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22296583>
12. Gilmundin V. M., Pankova Yu. V. 2023, Spatial Development of Russia under the Conditions of External and Internal Challenges. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], no. 4 (199), pp. 82–93. (In Russ.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-199-82-93>
13. Yakovlev A. A., Freinkman L. M., Ivanov D. S. 2018, New Opportunities and Instruments of Regional Structural Policy. *Zhurnal Novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 3 (39), pp. 162–169. (In Russ.) <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2018-39-3-10>
14. Kuvalin D. B. 2023, Spatial Development of Russia in New Geopolitical Conditions. *Ekonomika Severo-Zapada: problemy i perspektivy razvitiya* [Economics of the North-West: Problems and Prospects of Development], no. 1 (72), pp. 87–94. (In Russ.) <https://doi.org/10.52897/2411-4588-2023-1-87-94>
15. Kuznetsova O. V., Druzhinin A. G. 2024, On a Spatial Development Strategy for Russia. *Problemy prognozirovaniya* [Problems of Forecasting], no. 4 (205), pp. 36–45. (In Russ.) <https://doi.org/10.47711/0868-6351-205-36-45>
16. Bufetova A. N. 2016, Trends for The Concentration of Economic Activity and Uneven Spatial Development of Russia. *Region: ekonomika i sotsiologiya* [Region: Economics and Sociology], no. 2 (90), pp. 23–41. (In Russ.) <https://doi.org/10.15372/REG20160202>
17. Dymnikova O. V., Kyobe A., Slavov S. 2022, Regional Disparities and Fiscal Federalism In Russia. *Zhurnal novoy ekonomicheskoy assotsiatsii* [Journal of the New Economic Association], no. 3 (55), pp. 102–138. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-6>
18. Malkina M. Yu. 2022, Evaluation of the Factors of Russian Regions' Convergence / Divergence in the Level of Budget Provision Based on the Decomposition of the Theil – Bernoulli Index. *Prostranstvennaya ekonomika* [Spatial Economics], no. 3, pp. 16–37. (In Russ.) <https://doi.org/10.14530/se.2016.3.016-037>
19. Shatalova O. M., Kasatkina E. V. 2022, Socio-Economic Inequality of Regions in the Russian Federation: Measurement Issues and Long-Term Evaluation. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz* [Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast], no. 15 (4), pp. 74–87. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2022.4.82.5>
20. Bolotov R. O. 2022, Methodology and Implementation of Factor Analysis of Differentiation of the Subjects of the Russian Federation by the Level of Socio-Economic Development. *Federalizm* [Federalism], vol. 27, no. 4 (108), pp. 187–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.21686/2073-1051-2022-4-187-202>
21. Ratkovskaya T. G. 2020, Spatial Characteristics of Regions in the Processes of Inter-Budgetary Alignment. *EKO* [ECO (The All-Russian Economic Journal)], vol. 50, no. 1 (547), pp. 166–182. (In Russ.) <https://doi.org/10.30680/ECO0131-7652-2020-1-166-182>
22. 2012, International Monetary Fund, Fiscal Regimes for Extractive Industries: Design and Implementation. URL: <https://www.imf.org/external/np/pp/eng/2012/081512.pdf>
23. Extractive Industries Taxation: CRP.3 – ATTACHMENT E Fiscal Take. URL: https://www.un.org/esa/ffd/wp-content/uploads/2016/10/12STM_CRP3_AttachmentE_FiscalTake.pdf
24. 2017, United Nations Handbook on Selected Issues for Taxation of the Extractive Industries by Developing Countries. N. Y, 477 p.

The article was received on November 28, 2024